

ПЕПЕЛ АВАЛОНА

Павел Бабинович

18+

Павел Бабинович
Пепел Авалона

«Автор»

2026

Бабинович П. А.

Пепел Авалона / П. А. Бабинович — «Автор», 2026

Команда ученых и сотрудников космического корабля собираются разведовать космос для нахождения планеты которая станет новой "Земля" для жизни человечества. Но для героев весь проект превращается в выживание в закрытом космосе.

© Бабинович П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павел Бабинович

Пепел Авалона

Глава

Глава 1

В две тысячи двести втором году Земля перестала дышать.

Это не случилось в один день, ознаменованный падением астероида или ослепительной вспышкой сверхновой, которая бы подарила человечеству быструю, кинематографичную смерть — ту, которую так любят показывать в старых, ещё докризисных блокбастерах, где герои в последний момент успевают поцеловаться на фоне распадающегося горизонта. Нет. Смерть планеты была долгой, мучительной агонией, растянутой на десятилетия, которую человечество наблюдало сквозь панорамные окна своих пентхаусов, лениво перелистывая ленты новостей между глотками синтетического, отдающего жженым пластиком кофе. Новости мелькали одна за другой — очередной отчёт Межправительственной комиссии по климату, очередной скандал с утечкой данных о реальных темпах закисления океана, очередной корпоративный пресс-релиз о «прорывной технологии связывания углерода», который через полгода тихо спускали на тормозах, потому что технология оказывалась не рентабельной. Люди привыкли. Люди научились жить с мыслью о конце, как живут с неизлечимой болезнью: сначала паника, потом торг, потом апатия, а потом — ритуал. Ежедневный ритуал просмотра сводок, как ежедневный ритуал чистки зубов. Смерть стала фоном. Смерть стала привычкой.

К двадцать второму веку люди достигли пугающего мастерства в обмане смерти отдельных особей. Они заменяли изношенные органы дешевыми печатными имплантами — биопринтеры стояли теперь в каждой приличной клинике, и вырастить новую печень или почку из собственных стволовых клеток стоило дешевле, чем купить подержанный магнитоплан. Они перезагружали угасающее сознание в холодные облачные хранилища — «цифровое бессмертие» рекламировали на каждом углу, и миллионы людей платили ежемесячную подписку за иллюзию, что их мысли, их голос, их манера смеяться переживут тело, хотя на деле это была лишь тень, алгоритмическая обезьяна, повторяющая фразы хозяина. Они даже научились печатать себе новые, более молодые лица, стирая морщины вместе с памятью — косметическая нейрохирургия стала отдельной индустрией, где за скромную сумму вам подчищали гиппокампы, удаляя воспоминания о травмах, о потерях, о стыде, о том, как пахла настоящая земля после дождя. Люди платили за забытие. Люди платили, чтобы не помнить, что они потеряли.

Но они так и не поняли, как лечить саму почву. Как убедить замолчать кричащую от боли биосферу. Как заставить микробов в верхнем слое грунта снова дышать, а не задыхаться в собственных метаболических отходах.

Атмосфера превратилась в густой, тяжелый суп из мелкодисперсной сажи и метана. Небо над городами висело низко, давящее, цвета застарелой гематомы — багрово-бурое с прожилками серы. Кислотные дожди больше не разъедали бетон — бетон давно покрылся черной, пульсирующей коростой биолюминесцентной плесени, которая питалась тяжелыми металлами и промышленными выбросами, превращая руины в призрачные, мерцающие леса. Плесень росла слоями, как годовыми кольцами, и ночами светилась тусклым, болезненным фиолетово-зеленым светом, так что мёртвые города изнутри напоминали гигантские гниющие аквариумы. Океаны покрылись плотной, радужной пленкой мертвых водорослей цвета старого оружейного свинца; вода пахла сероводородом, гнилью и медью даже на расстоянии десяти километров от береговой линии, пробиваясь сквозь самые дорогие угольные фильтры. Рыба исчезла ещё в середине столетия — последние косяки выловили и продали как деликатес на аукционах, где одна тушка стоила как квартира в приличном районе. Экосистема умирала не

от нехватки ресурсов, а от их тошнотворного, избыточного изобилия. Планета захлебывалась в собственных отходах, как утопающий в нефтяном пятне.

Леса исчезли еще к концу прошлого столетия — последний массив настоящей, не генномодифицированной тайги выгорел в одна тысяча девятьсот девяносто восьмом году, и с тех пор только в архивах остались снимки, где зелёное было действительно зелёным, а не цветом корпоративного логотипа. То, что сейчас называлось «зелеными зонами» под куполами закрытых мегаполисов, было лишь высокобюджетной иллюзией — трехмерными проекциями высокого разрешения, транслируемыми на армированный пластик, чтобы поддерживать хрупкое психическое здоровье населения. Проекторы работали круглосуточно, создавая иллюзию утреннего света, пробивающегося сквозь листву, шелеста ветра, запаха хвои — всё это синтезировалось и подавалось в воздуховоды в строго выверенных дозах, как лекарство. Люди платили за этот обман из своих зарплат, вычитаемых автоматически, и находили в нём утешение. Настоящая, неподдельная природа стала привилегией маргиналов, фанатиков, отшельников и полевых ученых вроде Клэр Роуз, которых корпорации использовали как расходный материал для поиска последних крупниц жизни.

Она стояла по колено в бурой, маслянистой жиже того, что пятьсот лет назад называлось Мещерскими болотами. Сейчас это был просто гигантский, подогреваемый внутренним жаром резервуар токсичного фильтрата, где в анаэробном аду гнили остатки реликтовой органики. Воздух здесь обжигал легкие сквозь фильтры респиратора, вызывая мгновенный спазм гортани. Каждый вдох отдавался металлическим привкусом крови во рту. Болото дышало — медленно, тяжело, выпуская пузыри метана, которые лопались на поверхности с тихим, чавкающим звуком, и в этих пузырях была такая безнадежная, животная ритмичность, что казалось, будто сама земля издаёт предсмертные стоны.

Клэр методично, с механической обреченностью срезала образцы слизи с почерневшего, лишенного коры остова березы. Дерево выглядело как обугленный скелет давно вымершего левиафана — корявый, обломанный ствол торчал из трясины под неестественным углом, ветви обрушились в грязь и медленно растворялись в ней, но слизь под его корой пульсировала слабым, нездоровым фиолетовым светом. Жизнь всегда находит лазейку. Даже если эта жизнь — агрессивная раковая опухоль на теле разлагающегося трупа. Даже если эта жизнь — всего лишь грибок, научившийся жрать радиацию и выделять в качестве побочного продукта едва уловимый, но ядовитый газ. Клэр знала: то, что она ищет, — не спасение. То, что она ищет, — способ замедлить гниение. Отсрочка. Отсрочка, которая кому-то наверху позволит продать ещё один квартал квартир под куполом, ещё один контракт на поставку фильтров, ещё один год спокойной жизни.

Ее широкие штаны из плотной, армированной ткани, пропитанные грязью до состояния жесткого картона, были покрыты десятком глубоких карманов, набитых пробирками и стерильными пакетами. Из левого набедренного кармана торчал хромированный щуп портативного секвенсора, провода которого змеились под куртку. Рубашка-поло выгорела до неопределенного цвета пепла, а некогда светлые, пшеничные волосы были стянуты на затылке в тугую, влажный от пота хвост, с которого на воротник стекали едкие капли. На переносице сидели массивные защитные очки с поляризацией, защищающие сетчатку от постоянного, болезненного багрового свечения смогового неба. Она была худой, почти истощенной, движения ее казались резкими, дергаными, птичьими, лишенными всякой женской, плавной грации. В ней вообще не осталось ничего мягкого — работа в полях, ежедневное дыхание яда и вид умирающего мира выжгли это дотла. Ей было тридцать четыре, но зеркала в фургоне она избегала:

там отражалась женщина, выглядевшая на десять лет старше, с сеткой лопнувших капилляров на щеках и глазами, в которых давно погас интерес к собственной внешности.

Выпрямившись, отчего хрустнули колени, она сплюнула вязкую, окрашенную химией слюну в сторону. Тяжелый рюкзак с криоконтейнерами оттягивал плечи, впиваясь ремнями в мышцы. Внутри, в термостате, лежали образцы, которые она собирала последние четыре месяца — сорок семь штаммов бактерий, грибов и микроскопических червей, каждый в своей пробирке, каждый с этикеткой, написанной её собственным почерком. Сорок семь попыток. Сорок шесть из них окажутся бесполезны. Она это знала. Она всё равно их собирала.

«Они думают, что спасутся, — думала Клэр, глядя на горизонт, скрытый плотной, рыжей, как запекающаяся кровь, дымкой. — Закупорились в стекле своих стерильных городов, дышат рециркулированным воздухом, едят протеиновую пасту из переработанных хитиновых панцирей насекомых и называют это эволюцией. Они убили планету не злобой. Злоба — это страсть, это энергия. Они убили ее комфортом. Инертностью. Им было неудобно отказываться от личных флаеров ради общественного магнитоплана, который ходит по расписанию. Им было невкусно, видите ли, есть бобы вместо мраморной говядины, ради которой вырубили Амазонию. И теперь, когда почва буквально горит под ногами, они решили сделать то единственное, что умеют идеальные потребители — пойти и купить новую».

Она ненавидела людей. Не каждого конкретного человека — она знала прекрасных, сломленных, отчаянно борющихся ученых, знала медсестёр в полевых госпиталях, знала стариков, которые до сих пор выходили на балконы своих капсул и смотрели в небо, hoping увидеть хоть одну звезду сквозь смог. Она ненавидела вид *Homo sapiens* как биологическую ошибку, системный сбой, вирус, который сжирает носителя изнутри и при этом нагло требует гарантийного обслуживания от Вселенной. Человечество смотрело на мироздание не как на дом, который нужно беречь, а как на бесконечный склад запчастей. И теперь, когда склад почти опустел, оно собиралось украсть у Вселенной ещё один.

Фургон полевой лаборатории стоял на небольшом песчаном взгорке — единственном месте в радиусе километра, которое еще не затянуло вязкой, пузырящейся топью. Старая модель «Тайфун-М», перекрашенная в матовый хаки, выглядящий издевательски ярким, почти праздничным на фоне всеобщего гниения. Борта машины покрылись пятнами коррозии, колёса были облеплены бурой грязью, но двигатель работал ровно, а система фильтрации держала давление. Когда Клэр, тяжело ступая, подошла к водительской двери, она замерла. У переднего колеса ее машины, идеально балансируя на кочке, стояли двое.

На фоне ржавого, мертвого пейзажа, запаха тлена и вечной, въедливой мороси их костюмы выглядели как артефакты из другого измерения. Идеально скроенные темно-серые пальто из водоотталкивающего смарт-материала, который отталкивал не только воду, но и саму реальность, белоснежные, без единой складки воротнички рубашек, ботинки ручной работы из кожи искусственно выращенного аллигатора, на которых не было ни единого пятнышка грязи. Один — высокий, широкоплечий, с волевым, словно высеченным из базальта подбородком и холодными, прозрачными голубыми глазами. Барри Вонс. Второй — ниже ростом, суетливее, с глубокими залысинами, которые он безуспешно пытался скрыть зачесом, и бегающим взглядом мелкого, но очень хищного грызуна. Рональд Койн. Юрист. Глава отдела этики и компенсаций.

Они обернулись синхронно, с пугающей слаженностью.

— Доктор Роуз? — голос Барри был глубоким, поставленным, тембром дорогого аудиодинамика, настроенного на частоту внушения. — Мы ждали вас. Точнее, мы рассчитали ваше время прибытия с точностью до трех минут.

Клэр молча, с видимым усилием стянула с лица респиратор. Лицо ее было бледным, обветренным, покрытым сеткой мелких лопнувших капилляров, с россыпью веснушек, которые солнце пробивало даже сквозь истончившиеся озоновые дыры.

— Вы оставили следы своей жизнедеятельности прямо в зоне моего забора образцов, мистер...? — она кивнула на идеально чистый отпечаток подошвы прямо в луже фиолетовой слизи.

— Вонс. Барри Вонс. А это мой коллега, Рональд Койн. Мы представляем консорциум «Авалон».

Клэр посмотрела на свои руки в защитных перчатках, перепачканные липкой фиолетовой дрянью, потом снова на их стерильные манжеты, выглядывающие из-под пальто.

— Ваш консорциум платит за очистку химикатов, которые вы разнесли своими подошвами? — ровно спросила она. — Если нет, покиньте периметр. Здесь биоопасная зона. Выдыхаемый вами пар убьет последние споры, которые я пытаюсь спасти.

— Именно поэтому мы здесь, доктор, — мягко, почти ласково улыбнулся Барри. Его зубы были слишком ровными, слишком белыми, чтобы быть настоящими. — Нам нужна ваша экспертиза. Ваш уникальный цинизм.

Он сделал шаг вперед, протягивая руку в тонкой кожаной перчатке. Клэр проигнорировала этот жест, нажимая кнопку на пульте. Дверь фургона с шипением гидравлики отъехала в сторону, обдав мужчин густым, концентрированным запахом озона, медицинского спирта, формалина и мокрой, мертвой земли.

— Лаборатория рассчитана на троих человек, включая меня, — сказала она, начиная подниматься по ступенькам спиной к ним, не выпуская их из поля зрения. — Антропометрически вам там будет тесно. И душно. Мой воздух пропитан смертью, джентльмены. Вам, привыкшим к ионным фильтрам и ароматизаторам с запахом альпийского утра, может стать дурно.

Она поднялась внутрь, с лязгом задраила внешний шлюз и активировала ультрафиолетовую дезинфекцию внешнего контура. Стоя перед мониторами, пока снаружи шипел обеззараживающий газ, она рассматривала их через внешние камеры, увеличивая изображение.

«Барри Вонс, — анализировал ее мозг, натренированный замечать малейшие отклонения в поведении биологических объектов. — Посадка головы выдает бывшего военного или силовика корпораций. Плечи перенапряжены, пытается выглядеть расслабленным, но трапециевидные мышцы сведены в камень. Он верит в свою миссию фанатично, религиозно. Такие либо сжигают миры, либо строят империи. Рональд... Этот хуже. У него нервный тик века. Он знает цифры. Он знает, сколько стоит каждая минута его времени и каждая калория кислорода на корабле. Он пришел сюда не убеждать. Он пришел покупать, и ему скучно».

Когда цикл очистки завершился, она впустила их внутрь. Фургон встретил их теснотой, миганием красных датчиков влажности и ворохом распечатанных спектральных анализов, свисающих с потолка на зажимах. В углу жужжал старый центрифужный блок, из которого тянуло горячей смазкой. Пахло так, что у Койна невольно дёрнулся нос.

— Присаживайтесь куда хотите, только не на контейнер с образцами сорок два-бэ, там местная плесень реагирует на тепло агрессивно, может плюнуть спорами, — бросила Клэр, снимая перчатки и швыряя их в молекулярный утилизатор, где они мгновенно распались на атомы. — У вас десять минут. Я устала, я хочу есть, и я хочу снять этот костюм, прежде чем споры начнут переваривать мою кожу.

Барри остался стоять, возвышаясь над заставленным оборудованием столом, как памятник самому себе. Койн аккуратно, стараясь не касаться стенок, присел на край пустого металлического кофра. Клэр тем временем открыла холодильник и достала пакет с питательным гелем — серо-коричневая субстанция с маркировкой «Протеин-7, стандарт выживания». Она выдавила немного в рот, не глядя на гостей.

— Проект «Авалон», — начал Барри, полностью игнорируя ее усталость. — Самый амбициозный проект терраформирования и колонизации в истории человечества. Мы собираем Ковчег. Не тот старый библейский миф о паре каждой твари. Мы собираем интеллект. Мозги, доктор Роуз. Нам нужны архитекторы экосистем, генетики-синтетики, геоинженеры планетарного масштаба. И нам нужны вы.

— Зачем? — Клэр вытерла губы тыльной стороной ладони. — Чтобы вы могли взять идеальный, неискаженный образец ДНК дерева, которого уже нет, запихнуть его в молекулярный принтер и вырастить парк развлечений на Марсе? Я видела ваши презентации, мистер Вонс. Голограммы счастливых, белозубых семей, гуляющих по синтетической траве под двумя искусственными лунами. Это порнография для инвесторов. Дешевая фантазия.

— Это необходимость, — отрезал Койн. Голос у него оказался неожиданно высоким, почти срывающимся от раздражения. — Земля списана, доктор. Баланс потерян безвозвратно. Через тридцать лет фотосинтез прекратится полностью из-за плотности сульфатной взвеси. Через пятьдесят океан закипит в экваториальной зоне. Мы предлагаем альтернативу. Новую Землю. Мир, очищенный от наших ошибок. Чистый жесткий диск.

Клэр сделала долгий, жадный глоток из пакета. Горькая, химическая жидкость обожгла пересохшее горло.

— Новой Земли не будет, — тихо сказала она, глядя на свои колени. — Вы возьмете туда себя. Вы построите там стеклянные башни, запустите заводы, начнете добывать ресурсы, потому что вашим детям понадобятся новые игрушки, а вашим женам — натуральные алмазы. Вы загадите ту систему точно так же, как загадили эту. Разница лишь в том, что здесь у нас хотя бы есть могилы предков, за которыми можно наблюдать из окна, пока их не поглотит радиоактивная пустыня. Там у вас будет чистый лист. И вы распишете его кровью Вселенной. Нет смысла строить новый дом, если единственный жилец — хронический пироманьяк.

Барри переглянулся с Койном. Юрист едва заметно, почти неуловимо кивнул. Это был отретпетированный, выверенный до миллиметра сигнал переходить к тяжелой артиллерии.

— Хорошо, давайте оставим этику поэтам и студентам младших курсов, — сказал Барри, и его голос стал жестким, лишенным бархата. — Давайте поговорим языком цифр. Полная крионическая подготовка. Три года на орбите Юпитера, в условиях искусственной гравитации один G, полная адаптация организма. Полное медицинское обслуживание класса «Омега» до конца ваших дней. Это не просто страховка от болезней. Это гарантия того, что вы умрётё не от рака, вызванного вдыханием токсинов, а от старости, в чистой постели, окружённая уважением.

— А затем полет, — добавил Койн, открывая свой ультратонкий планшет. Палец его перестал дергаться, движения стали хирургически точными. — Сорок лет в глубоком анабиозе. Корабль поколения. Но для вас, как для ключевого специалиста по первичной флоре, контракт предусматривает ускоренную заморозку-разморозку каждые семь земных лет для ручного контроля систем жизнеобеспечения оранжерей. За каждый выход из стазиса — премия. За успешную высадку — бонус.

Он назвал сумму.

У Клэр на секунду перехватило дыхание, в глазах потемнело. Цифра на экране планшета светилась мягким, гипнотизирующим зеленым светом. Этого хватило бы, чтобы выкупить весь ее институт у корпорации «Глобал Генетикс» со всеми потрохами. Этого хватило бы, чтобы создать частный, абсолютно автономный заповедник под самым большим куполом Нью-Вашингтона, где она могла бы выращивать настоящие, живые дубы из желудей, а не их голографические симуляции. Впервые за долгие годы в ее голове, привыкшей к логике выживания, щелкнул глухой, животный соблазн. Три года подготовки. Всего три года дисциплины ради возможности увидеть небо без рыжего фильтра смога. Ради настоящей травы, в которую можно упасть лицом.

Пальцы сами собой сжались на холодном краю стола, костяшки побелели. Она представила себе эти деньги. Представила лабораторию — настоящую, с окнами, с живыми растениями на подоконниках, с фильтрами, которые не приходится менять каждые две недели. Представила, как покупает молчание директора Франка Роба, навсегда закрывая его лживый рот. Представила лицо своей матери — той, что умерла двенадцать лет назад от лёгочной недостаточности, вызванной тридцатью годами работы на фильтрационном заводе. Мать бы сказала: «Бери, Клэр. Бери и беги». Мать бы не осудила.

И всё же.

— Нет, — голос прозвучал глухо, сорвавшись, и ей пришлось прочистить горло. — Нет. Мне не нужны ваши деньги.

— Все берут деньги, доктор Роуз, — снисходительно, с жалостью усмехнулся Койн. — Вопрос лишь в цене вашей принципиальности. Назовите свою цифру. Мы удвоим.

— Моя принципиальность не продается, — отрезала Клэр, чувствуя, как внутри закипает старая, привычная ярость. — А вот ваше чувство собственной важности скоро похоронит вас под обломками этой луны, которую вы выбрали для своей временной базы. Убирайтесь из моей лаборатории. Заберите свои споры с обуви. Передайте своим инвесторам, что если им нужен кто-то, кто поможет им бежать с тонущего корабля, пусть ищут крысу. Я останусь здесь. Я буду тонуть вместе с ним.

Она подошла к столу, взяла стандартный блокнот из переработанной целлюлозы, вырвала лист и положила его поверх криоконтейнера, указывая на выход. Затем демонстративно отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен. Это было грубо, непрофессионально, но честнее, чем вежливо улыбаться и выпроваживать их к выходу.

За спиной послышалось движение. Тихие, выверенные шаги юриста. Клацнуло пневматическое закрытие входного шлюза. Когда Клэр, выждав минуту, обернулась, она была одна. Прямо по центру ее рабочего стола, придавленная тяжелым калибровочным грузилом из свинца, лежала визитка. Плотный черный картон. Ни единой буквы. Только холодное, почти ледяное на ощупь тиснение в виде раскрытого серебряного ключа.

Вечером, когда багровое, раздувшееся солнце окончательно утонуло в смоге, превратив болото в зеркало из застывшей крови, Клэр сидела в кабине фургона. Связь барахлила, видео постоянно рассыпалось на пиксели, оставляя только искаженный, металлический звук. На экране морщилось, дергаясь от потери пакетов, лицо директора Франка Роба.

— ...полевые работы неэффективны, Клэр, — говорил он, жуя невидимую жвачку и глядя куда-то в сторону, за пределы кадра. — Инвесторы хотят видеть графики роста акций. Графики роста сорняков в радиоактивной луже их не впечатляют. Мы пересобираем компанию. Переходим в B2B сектор. Продаем патенты на те крохи, что вы накопили, фармакологическим гигантам. Сами леса нам больше не нужны, нам нужны таблетки из них.

— Франк, послушай, — Клэр наклонилась ближе к камере, чувствуя, как дрожит ее голос, предавая ее. — Дай мне бюджет. Хотя бы треть от запрашиваемого. Мы нашли штамм грибов, который связывает тяжелые металлы в почве, превращая их в инертный песок. Если масштабировать ферментацию, мы можем начать рекультивацию пояса Детройта. Живые организмы лечат планету лучше ваших юристов и ваших алгоритмов!

— Лучше наших юристов лечат только счета в швейцарских банках, — ухмыльнулся Роб, и на заднем фоне его кабинета Клэр увидела голограмму пальмового пляжа. — Денег нет, девочка. Казна пуста. Ты хороший специалист, но ты динозавр. Тебе нравится копаться в грязи. Современному миру нравится блеснуть. Прости. Проекты закрываются. Твой отдел сокращается первым. Сдай оборудование на склад до пятницы. Охрана проводит тебя до выхода.

— Франк, — она попыталась ещё раз, хотя уже понимала, что это бессмысленно. — Франк, ты хоть раз видел, как растёт настоящий лес? Не голограмму, не проекцию. Настоящий. Ты знаешь, что там, в Детройте, под слоем бетона ещё осталась почва? Живая почва, Франк. С бактериями. С червями. С корнями, которые ждут.

— Клэр, — Роб тяжело вздохнул, и в этом вздохе была не злоба, а усталость человека, который давно перестал верить в чудеса. — Я видел лес. Один раз, в детстве, в заповеднике под Денвером. Там было... зелено. И пахло... — он запнулся, и на секунду его лицо стало другим, почти человеческим. — Неважно. Это было давно. Сдай оборудование до пятницы. Это приказ.

Связь оборвалась. Экран погас, погрузив кабину в красноватый полумрак аварийного освещения.

Клэр долго смотрела в погасший экран. Внутри нее не было слез — биология ученого, привыкшего к потерям, высушила их еще десять лет назад. Была только звенящая, ледяная, абсолютная ярость.

«Динозавр, — думала она, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони до крови. — Да, черт возьми. Я динозавр. По крайней мере, мои предки умели жить в гармонии с этим миром, прежде чем упасть метеорит. А вы, млекопитающие с вашими стартапами и маркетинговыми стратегиями, сожжете друг друга в своих стеклянных коробках, когда отключатся системы кондиционирования. Франк Роб... Ты ведь боишься открытого пространства, правда? Ты даже не знаешь, как пахнет настоящий дождь, а не тот, что льется из форсунок на площади Согласия. Для тебя "природа" — это анимированные обои на рабочем столе, которые меняются по подписке. Ты продал лес за таблетки. Ты продал будущее за квартальный отчет. И теперь ты сидишь там, в своём кабинете, с голограммой пальмового пляжа, и думаешь, что ты победил».

Она начала собирать вещи. Работа в поле для компании официально закончилась, но личные приборы, семена редких культур, которые она хранила вопреки запретам службы безопасности, и банки с теми самыми спорообразующими организмами нужно было вывезти. Иначе корпоративная охрана конфискует их, опишет как имущество и продаст вместе со списанной мебелью офиса.

Работа была механической, выматывающей до дрожи в коленях. Укладка криоячеек, фиксация центрифуги, демонтаж тяжелого секвенсора. К полуночи фургон напоминал разоренное зверьем гнездо. Спина ныла, руки тряслись от усталости и химического коктейля, которым она пыталась вывести въевшиеся пятна токсинов с куртки. Она сняла очки, протёрла глаза и впервые за долгое время увидела собственное отражение в тёмном стекле иллюминатора. Уставшая женщина с резкими чертами лица. Женщина, которая провела в болоте десять лет ради сорока семи штаммов, из которых выживут, может быть, три. Женщина, которая только что отказалась от денег, способных изменить всё.

Она рухнула на узкую откидную койку, даже не раздевшись, только сбросив тяжелые ботинки. Сон навалился мгновенно, черным, тяжелым, свинцовым одеялом. Но спустя час — или, может быть, всего минуту — она резко села на кровати, разбуженная не звуком, а интуицией. Взгляд упал на металлический шкафчик для документов. Дверца была приоткрыта на пару сантиметров. Клэр всегда закрывала ее плотно, до щелчка.

Там, среди старых накладных и инструкций к давно списанному оборудованию, белым, слепящим бельмом на черном фоне выделялась та самая визитка. Серебряный ключ.

Руки действовали быстрее мозга. Организм, доведенный до предела, искал любой, самый призрачный выход из тупика. Она схватила свой личный коммуникатор — старую, надежную модель с физической клавиатурой, не подключенную к глобальным сетям. Пробежалась пальцами по стертым кнопкам. Номер не определялся сетью, приходилось вводить цифры вручную, сверяясь с едва заметным тиснением.

Гудок. Второй. Третий. В кабине пахло озоном и ее собственным отчаянием.

Она готова была сбросить вызов, назвав себя полной, наивной идиоткой, когда в динамике щелкнуло. Шум помех исчез. Линия была чистой, идеальной, какой не бывает на Земле уже много лет.

— Алло? — произнес знакомый глубокий баритон. Барри Вонс. Словно и не ложился спать. Будто сидел у аппарата все эти часы, ожидая звонка посреди отравленного болота.

Клэр сглотнула ком в горле, который царапал стенки пищевода. Принципы трескали по швам. Гордость осыпалась сухой трухой. Впереди была пятница, безработица и возвращение в муравейник города, где она задохнется от клаустрофобии и вони рециркулированного воздуха раньше, чем планета совершит свой последний вздох.

— Это доктор Роуз, — голос звучал чужим, хриплым, сорванным. — Я передумала. Насчет вашего предложения. Контракт еще в силе?

Повисла пауза. Такая короткая, что обычный человек ее бы не заметил. Но Клэр уловила микросекундную задержку обработки данных на том конце — их система проверяла ее профиль в реальном времени.

— Конечно, доктор, — ответил Барри, и в его голосе слышалось холодное, сытое удовлетворение хищника, чья ловушка захлопнулась. — Добро пожаловать в «Авалон». Машина прибует за вами через сорок минут. Координаты получены. Оставьте ключи от фургона под правым колесом. И не берите ничего лишнего, что может скомпрометировать вашу биографию.

Связь прервалась.

Клэр медленно опустила руку с коммуникатором на колени. Легкие вдруг наполнились острой, режущей болью — она поняла, что последние несколько секунд вообще не дышала. Она легла обратно на скрипнувшую койку, уставившись в низкий, покрытый виброизоляцией потолок фургона.

«Вот и всё, — поплыло в голове. — Продано. Динозавры тоже, говорят, неплохо стояли на аукционах перед вымиранием. Какая ирония. Я хотела спасти Землю, доказав, что она жива. Теперь я улетаю, чтобы доказать самой себе, что я еще способна на большее, чем просто быть безмолвной свидетельницей конца света. Что ждет меня там? Холод? Космическое безумие? Или первый за двести лет вдох воздуха, в котором нет вкуса железа и привкуса пепла?»

Снаружи, за тонкой стенкой фургона, зарокотал двигатель антигравитационного челнока, от которого дрожала мертвая почва. Земля умерла. Завтра Клэр начнет учиться жить в небе.

Пространство, которое занимала штаб-квартира проекта «Авалон», нельзя было назвать зданием в привычном, земном смысле этого слова. Это был геоплимерный монолит цвета слоновой кости, пронзающий низкие свинцовые облака на окраине бывшей, давно покинутой людьми Сибири. Стекло и белый титан, сливающиеся с небом настолько, что конструкция казалась оптической иллюзией, миражом. Вокруг не было ни деревьев, ни травы — только бетонная площадка, уходящая к горизонту, да редкие вышки охраны с автоматическими турелями, чьи стволы лениво поворачивались вслед за каждым движущимся объектом.

Когда автономный транспорт высадил Клэр на посадочной платформе на высоте пятисот метров, ветер ударил в лицо — холодный, стерильный, пропущенный через такое количество

фильтров, что в нем отсутствовали молекулы истории. Никакой пыли. Никаких запахов. Абсолютный, пугающий ноль. Клэр поёжилась, хотя температура была комфортной — двадцать два градуса по Цельсию, идеал, рассчитанный алгоритмами. После болота, где воздух был густым, как сироп, здесь дышалось легко и... пусто. Словно она вдыхала вакуум.

Внутри здание гудело. Это был улей, населенный лучшими, самыми дорогими умами погибающего мира. Люди двигались быстро, говорили тихо, их глаза скрывались за линзами дополненной реальности, проецирующими графики прямо на сетчатку. Здесь не было места старикам, калекам, сомневающимся или просто уставшим. Корпорация скупил вершину пищевой цепи, не торгуясь. Рядом с Клэр по движущейся дорожке шел мужчина, на бейджике которого значилось «Доктор Илья Лаговский, квантовая физика, термодинамика вакуума». Ему было не больше тридцати пяти, но вокруг глаз залегли глубокие, почти черные тени хронического недосыпания — верный признак того, что человек провел последнее десятилетие, пытаясь удержать от распада отдельные атомы.

— Вы новенькая? — спросил он, не поворачивая головы. — Биологический сектор?

— Флора, — коротко ответила Клэр. — Почвы. Микробиология.

— Соболезную, — сказал Лаговский, и в его голосе не было ни капли иронии. — Биологи сейчас в самом низу пищевой цепочки. Все хотят лететь туда, где уже есть воздух. Никто не хочет лететь туда, где воздуха нет.

— А вы? — спросила Клэр. — Вы летите туда, где нет воздуха?

— Я летю туда, где нет ничего, — Лаговский улыбнулся, и улыбка у него была усталая, но искренняя. — Вакуум. Пустота. Идеальный чистый лист. Мне не нужно терраформировать планету. Мне нужно построить реактор, который будет работать в условиях абсолютного нуля. Это проще, чем возиться с бактериями.

Он сошёл с дорожки на развилке и исчез в коридоре с табличкой «Квантовый сектор. Посторонним вход воспрещён». Клэр осталась одна.

Два километра прилегающей территории занимал испытательный полигон. Даже сквозь многослойные, звуконепроницаемые стены главного вестибюля Клэр ощущала низкочастотную вибрацию земли, отдающуюся в зубах. Там, в пусковых шахтах, утопленных в базальт, стояли корабли. Не старые химические ракеты, изрыгающие огонь. Это были левиафаны — черные, поглощающие свет иглы длиной в полтора километра, двигатели которых работали на дестабилизации квантового вакуума. Десятки таких игл готовились вонзиться в космос, унося с собой последнее семя человечества.

Рональд Койн ждал ее у группы зеркальных лифтов. На нем по-прежнему не было ни пылинки, ни складки.

— Документы подписаны, — бросил он, не здороваясь, сканируя ее сетчатку холодным синим лучом. — Уровень допуска Альфа-Прима. Ваша каюта на орбитальной станции «Гефест-4». Подготовка начинается через час. Инструктаж по выживанию, полный медицинский чекап, психологический дебрифинг.

— Сколько всего людей? — спросила Клэр, пока скоростной лифт с пугающей плавностью проваливался вниз, на уровни технического обеспечения.

— Экипаж ковчега строго лимитирован ресурсами замкнутой системы, — монотонно, как читающий скрипт, заговорил юрист, не отрывая взгляда от планшета. — Научный состав: шесть специалистов. Вы — руководитель отдела биотехнологий. Плюс капитан, второй пилот-штурман, главный инженер реактора, техник бортовых систем, техник жизнеобеспечения и корабельный врач широкого профиля. Итого двенадцать. Золотое число стабильности социума согласно модели Данбара. Психологи клялись, что больше — и мы поубиваем друг друга на втором году полета.

— Кто остальные ученые? — Клэр старалась, чтобы ее голос звучал ровно.

— Узнаете на брифинге через двадцать минут. Конфиденциальность, доктор Роуз. До момента старта никто из вас не должен знать полного состава, чтобы исключить возможность саботажа, сговора или промышленного шпионажа со стороны конкурентов. Вы поймете, с кем летите, только когда за вами закроется шлюз.

Лифт остановился. Двери открылись в длинный коридор, облицованный мягким звукоизоляционным полимером салатного цвета — цвет, научно доказанный как успокаивающий нервную систему приматов.

— Ваша каюта четыреста двенадцать, — указал Койн на дверь с матовым стеклом. — Персонал не входит без голосового вызова. Ваши вещи будут доставлены дронами. Форма в шкафу. Советую принять душ, от вас несет торфяным мхом и разложением. Это мешает когнитивным процессам.

Он ушел, оставив ее одну в тишине, которая казалась более оглушительной, чем рев стартовых двигателей. Элитной тюрьмы. Номер был просторным, залитым мягким, имитирующим рассвет светом. Огромная кровать, принимающая форму тела, терминал связи, скрытый панелью. Клэр сбросила грязную одежду прямо на идеально белый пол и шагнула в душевую кабину. Она встала под горячие, тугие струи воды, бьющие со всех сторон. Она смывала с себя прошлое. Запах смерти, вкус поражения, въевшуюся грязь болот. Когда кожа покраснела и начала саднить, она вышла, завернувшись в халат из материала, который ощущался как облако.

Тело требовало сна, оно кричало об этом каждой мышцей. Мозг отключался. Она упала на кровать лицом в прохладную, пахнущую озоном подушку. Благословенная тишина. Никаких сирен экологических служб, никаких криков торговцев фильтрами за окном, никакого гула вентиляции, которая вот-вот захлебнется.

Стук в дверь был тихим, почти деликатным, но в оглушающей, стерильной тишине жилого блока он прогремел как выстрел из рельсотрона.

Клэр нахмурилась, приподнявшись на локте. Койн сказал, персонал не входит. Охрана использует коды доступа, а не костяшки пальцев. Она запахнула халат плотнее и подошла к двери. Система распознавания показала гостя: «Питер Лонг. Должность: заблокировано (уровень Омега)». Второй капитан. Тот, кто сменит Барри Вонса, если с тем что-то случится.

Она открыла замок.

Мужчина на пороге был полной противоположностью Барри Вонса и Рональда Койна. От него веяло не деньгами, а силой тяжести. Лет тридцать пять, русые волосы коротко стрижены по старой военной моде, но на висках уже серебрилась ранняя, жесткая седина. Глаза — невероятно яркого, почти неестественного, василькового голубого цвета, какие бывают только у людей, родившихся на высокогорных станциях с тонкой атмосферой. Широкие плечи, мощная шея, мозоли на руках, которые не спрятать никакими регенеративными кремами. Он был одет в простую черную футболку и свободные тактические брюки.

— Доктор Роуз? — его голос был спокойным, чуть хрипловатым, лишенным всякого корпоративного лоска. — Простите за вторжение. Официальный протокол знакомства утомляет своей бюрократией и фальшью. Питер Лонг. Тот, кто поведет эту посудину, когда автоматика решит забастовать от скуки.

— Вы нарушаете регламент, капитан, — сухо ответила Клэр, хотя сердце почему-то пропустило удар, а по спине пробежал странный холодок. — Доступ к научным сотрудникам вне расписания запрещен.

— Я знаю, — он обезоруживающе, открыто улыбнулся, и суровое, высеченное из камня лицо моментально преобразилось, став почти мальчишеским. — Но я также знаю, что наш штатный ботаник — это половина успеха миссии. Если растения решат устроить революцию в оранжерее и перекроют нам кислород, нам всем конец. Я хотел посмотреть на женщину, которая согласилась променять право ходить по настоящей, умирающей земле на консервную банку ради призрачного шанса увидеть чужие звезды.

Что-то в его взгляде — отсутствие похоти, чистое профессиональное любопытство пополам с глубоким, человеческим сочувствием — заставило Клэр отступить в сторону, пропуская его.

— Входите, пока нас не засекала внутренняя безопасность. Надеюсь, вы не принесли на ногах болотную воду? У меня ее запасы ограничены.

— Исключено, — он шагнул внутрь, и его присутствие физически заполнило собой половину комнаты. — Я проходил дезактивацию трижды. Знаете, самое сложное в подготовке — это не перегрузки и не гипоксия. Самое сложное — это научиться доверять людям, с которыми тебя запрут в металлической трубе на сорок лет. Я решил начать с доверия к вам. Можно?

Не дожидаясь ответа, он прошелся по номеру, осмотрел терминал, выглянул в иллюминатор, за которым виднелась кромешная тьма технических уровней и переплетение кабелей.

— Чем вы занимались внизу? — спросил он, поворачиваясь. — Кроме войны с корпоративными юристами в выгребной яме.

— Спасала виды, которые никто никогда не увидит, — Клэр прислонилась к косяку, внезапно почувствовав себя странно уязвимой под его прямым, немигающим взглядом. — Искала способы заставить мертвое делать вид, что оно живое. Иллюзия ради иллюзии.

— Звучит как идеальное резюме для полета в никуда, — кивнул Питер. — Большинство тех, кого я видел сегодня в коридорах... они летят за славой. Их имена высекут на бронзовой

плите в центре управления. Или от страха. Они боятся закрыть глаза и проснуться под рухнувшим куполом. Почему вы здесь, Клэр?

Вопрос повис в воздухе. Она могла солгать. Могла процитировать ему пункты контракта о премиальных. Но она посмотрела в его голубые, честные глаза и впервые за этот бесконечный, чудовищный день позволила себе быть просто человеком, а не функцией.

— Потому что там, — она махнула рукой в сторону потолка, подразумевая поверхность Земли, — осталась только память о том, какими мы могли быть, если бы вовремя остановились. А здесь... здесь есть крошечный, почти нулевой шанс узнать, кем мы станем. Если выживем. Если не перегрызем друг другу глотки в первый же год.

Питер Лонг долго смотрел на нее, и в его глазах впервые исчезла профессиональная насмешка. Затем он медленно, серьезно кивнул, принимая ответ.

— Хороший выбор приоритетов, доктор. Отдыхайте. Завтра в шесть утра центрифуга попытается выдавить из вас душу и перемешать внутренности. Приятного аппетита, — он козырнул двумя пальцами и вышел, бесшумно прикрыв за собой тяжелую дверь.

Клэр постояла еще минуту, слушая, как затихают его шаги в коридоре. Затем закрыла замок на два оборота.

«Опасный человек, — подумала она, возвращаясь к кровати и чувствуя, как дрожат колени. — Не потому, что может нажать на красную кнопку. А потому, что видит тебя насквозь, видит твою сломанную спину под броней цинизма. В моем мире такие долго не живут. Либо ломаются первыми, либо становятся диктаторами. Посмотрим, кем станет он, когда звезды перестанут быть красивыми, а превратятся в просто навигационные огни в бесконечной пустоте».

Она забралась под одеяло, пахнущее стерильностью. Мышцы, измученные дорогой, гравитацией и стрессом, наконец начали расслабляться. Монитор на стене мягко, успокаивающе отсчитывал время до общего сбора. Где-то далеко внизу, под километрами бетона и титана, басовито, утробно ревели стартовые двигатели кораблей-колонистов, прощаясь с миром.

Старая жизнь сгорела в атмосфере вместе с последними деревьями. Впереди была бездна.

Глава 2

Сон Клэр Роуз всегда был функцией, а не отдыхом. Нейроинтерфейс в изголовье кровати мягко прервал цикл на четвертом часу, впрыснув в кровь коктейль из кортизола и синтетического адреналина. В две тысячи двести втором году тратить восемь часов на беспмятство считалось биологической роскошью — непозволительной для тех, кто летел на Ковчеге. Сон был просто ещё одним техобслуживанием организма, сродни замене фильтров или калибровке датчиков.

Она села. Комната четыреста двенадцать встретила ее абсолютной тишиной и запахом озона. За ночь кожа успела привыкнуть к стерильности элитного блока, и теперь воспоминания о болотной жиже Мещерских низин казались бредом воспаленного сознания — миражом, горячечным видением, приснившимся кому-то другому. Клэр провела ладонью по лицу, чувствуя под пальцами гладкую, обезжиренную кожу. Никакой липкой грязи. Никакого металлического привкуса во рту. Только стерильный холод.

Дверь отъехала в сторону без предупреждения. На пороге стоял человек, который выглядел как ошибка генетического редактора. Невысокий — едва доставал Клэр до плеча, — но сложенный так плотно, что казался отлитым из старого чугуна. Густая черная борода росла почти от самых глаз, скрывая шею и половину груди, а над ней нависали пушистые, словно живые, брови, постоянно находящиеся в движении.

«Джонатан Джинаро, — мгновенно определила мозг Клэр, сканируя незнакомца так же привычно, как она сканировала образцы слизи. — Главный капитан. Рост метр шестьдесят пять, вес под девяносто. Брови работают вместо мимики. Густая борода — вероятно, попытка компенсировать недостаток роста. Или просто дань старой привычке: бритвы на «Гефесте» запрещены из-за экономии воды».

— Доброе утро, доктор, — рокотнул Джонатан. Его голос совершенно не вязался с компактным телосложением — низкий, вибрирующий, он, казалось, исходил из грудной клетки, а не из горла. — Центрифугу на сегодня отменили, иначе ваши вчерашние токсины окажутся на моих ботинках. У нас день адаптации. Надевайте костюм, гравитация сейчас 0.8 G, выше ваш вестибулярный аппарат выдаст ошибку синего экрана. Сегодня экскурсия по тренажерному корпусу.

Клэр посмотрела на него, потом на стопку сложенной черной формы, лежащую на стуле. Форма была новой, ещё пахла упаковкой.

— День адаптации? — переспросила она, натягивая комбинезон. Ткань села по фигуре идеально, словно её шили на заказ. — Я думала, мы начнём с медицинского обследования.

— Обследование будет, — Джонатан нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — После того, как я посмотрю, как вы держитесь на ногах в условиях переменной гравитации. Медики любят смотреть на графики. Я люблю смотреть на людей. Пойдёмте, док. У нас мало времени, а адаптировать вас нужно быстро.

Тренажерный комплекс «Гефеста» занимал три подземных уровня и гудел, как растревоженный улей садистов. Это была не зона фитнеса, это был конвейер по перестройке челове-

ческой плоти. Стены были облицованы мягким полимером, гасящим звуки ударов и хрипов, но даже сквозь эту защиту пробивался тяжелый, ритмичный гул — топот десятков ног, бегущих в никуда.

В первом секторе люди бежали вверх по жидкому полимеру. Дорожки стояли под углом в сорок градусов, а искусственная гравитация давила с силой двух с половиной Земель. Их лица налились кровью, шеи раздулись, превращаясь в стволы деревьев, легкие работали со звуком рвущегося брезента. Один из бегунов, молодой парень с бледным лицом, поскользнулся и покатился вниз, но страховочный трос натянулся, и он повис в воздухе, болтая ногами, как марионетка с оборванными нитями.

— Зона первичного стресса, — прокомментировал Джонатан, задумчиво почесывая бороду. — Учим скелет помнить, что такое вес. Если мы долетим туда, док, а ваши ноги забудут, как держать массу тела, вы станете очень дорогим космическим мусором. Очень дорогим. Ваш контракт предусматривает неустойку за преждевременную гибель в размере трёх годовых окладов. Так что постарайтесь не умереть в первую неделю.

Клэр сглотнула. В горле пересохло.

— А если я не смогу? — спросила она, глядя на парня, который всё ещё висел на тросе, пытаясь подтянуться обратно на дорожку.

— Сможете, — Джонатан хлопнул её по плечу so сильно, что она покачнулась. — У вас глаза человека, который слишком долго выживал в дерьме, чтобы сдаться из-за какой-то там перегрузки. Я таких видел. Они либо ломаются в первый месяц, либо становятся лучшими. Средины нет.

Следующий зал встретил их нулевой гравитацией. Огромная сферическая камера, где инженеры собирали макеты двигателей дестабилизации вакуума прямо в воздухе, используя магнитные захваты. Один неверный поворот кисти — и титановый болт улетал в стену, оставляя глубокую вмятину в армированном пластике. Люди в этом зале двигались медленно, экономно, словно под водой. Каждое движение было рассчитано. Каждый вдох — под контролем.

— Вестибулярный аппарат, — Джонатан кивнул на женщину, которая пыталась завязать узел одной рукой, вися вниз головой. Её лицо было багровым от прилившей крови, но движения оставались точными, выверенными. — Здесь нет верха и низа. Ваш внутренний гироскоп сойдет с ума через неделю невесомости. А теперь моя любимая часть. Камера сенсорной депривации.

Он провел ее в узкий коридор, стены которого состояли из миллиардов микроскопических экранов. Экраны транслировали изображения — лес, море, пустыня, — но все они были синтетическими, идеальными, без единой трещинки или пятнышка. Слишком идеальными.

— Галлюцинаторий, — усмехнулся капитан. — Изоляционная фобия. Через месяц полета в анабиозе подсознание начнет генерировать образы. Мы загоняем пилотов сюда на сутки. Полная темнота, полная тишина, температура ровно тридцать шесть и шесть. Кто-то видит умершую мать, кто-то — пауков размером с собаку. Один парень видел свою бывшую жену. Говорил с ней шесть часов. Когда его вытащили, он плакал и просил прощения. Жена умерла двадцать лет назад.

Клэр поёжилась. Стены с экранами казались живыми, дышащими.

— Ваша задача, биолог, научиться отличать собственный психоз от реального сигнала бортовых систем, — продолжил Джонатан, не обращая внимания на её реакцию. — Ошибка стоит жизней двенадцати человек. Представьте: вы в анабиозе, вам снится, что в оранжерее пожар. Вы просыпаетесь, идёте туда. А пожара нет. Но вы уже разгерметизировали отсек, потому что ваш мозг решил, что так надо. Двенадцать человек задыхаются, пока вы стоите и смотрите на пустые горшки.

— Это happened? — тихо спросила Клэр.

— Это случится, если вы не научитесь, — отрезал Джонатан. — Поэтому мы тренируемся. Каждый день. Пока ваш мозг не запомнит разницу между страхом и фактом.

Пока Джонатан расписывал прелести имитации пожара в кислородном отсеке (где синтетический дым разъедал глаза даже сквозь фильтры, а температура поднималась до шестидесяти градусов по Цельсию), к ним подошел мужчина. Он двигался стремительно, почти подпрыгивая, и улыбался так широко, что морщинки вокруг глаз складывались в лучики.

«Доктор Рон Янг. Генетик-инженер, — подумала Клэр, наблюдая за его приближением. — Блондин. Не крашенный, платиновый оттенок альбиноса. Красивый той хищной симметрией, которую природа обычно тратит на ядовитых змей. Но любви в нем нет. Ни капли. Там только чистая математика ДНК и восторг перед собственным интеллектом. Юморист поневоле и философ от скуки».

— Спасительница плесени! — воскликнул Рон, протягивая руку. Ладонь у него была сухой и горячей, словно он только что держал её над паром. — Барри сказал, ты отказалась выращивать райские сады на Марсе ради того, чтобы копаться в трупах Земли. Уважаю. Я бы тоже отказался, если бы мне предложили делать красивых людей вместо функциональных бактерий.

— Ты тот, кто будет печатать нам еду? — спросила Клэр, пожимая руку. Рукопожатие было крепким, но коротким — Рон уже отпустил её ладонь и теперь вытирал свою о штанину, словно касание оставило след.

— И почки, когда твоя откажет от местного пойла, и детей, если кому-то станет скучно лететь, — хмыкнул Рон. — Хотя дети — это плохая идея. Представляешь генетический дрейф за одно поколение? К концу пути наши внуки будут светиться в темноте и дышать метаном. Забавный эксперимент, но инвесторы вряд ли одобряют. Они хотят видеть в каталогах голубоглазых блондинов, а не биолюминесцентных мутантов.

— Инвесторы вообще мало смыслят в биологии, — буркнула Клэр.

— Как и в физике, — раздалось сбоку. Питер Лонг возник рядом неслышно, как всегда. Капитан выглядел отдохнувшим, но тени под глазами стали глубже, а седина на висках серебрилась ярче. Он был в чёрной футболке, и на предплечье у него виднелся свежий шрам — длинный, розовый, ещё не заживший. — Доктор Янг, перестаньте пугать наш единственный

ботанический щит. Клэр, столовая закрывается через пятнадцать минут. Если хотите есть нормальную пасту, а не синтезированную слизь из аварийного пайка, идемте.

— Нормальная паста? — Клэр подняла бровь. — Здесь есть нормальная еда?

— Есть паста, которая не пахнет картоном, — уточнил Питер. — Это максимум, на что можно рассчитывать на орбитальной станции. Но по сравнению с болотной жижей, я думаю, вы оцените.

Столовая «Гефеста» напоминала терминал аэропорта высшего класса, смешанный с операционной. Длинные столы из белого композита. За ними сидели лучшие умы планеты. Никто не кричал. Звук сотен работающих челюстей сливался в единый ритмичный гул. Люди ели быстро, механически, глядя невидящими глазами в пространство или в линзы дополненной реальности. Воздух пах озоном, дезинфектантом и едва уловимым химическим привкусом белкового конструктора.

Питер взял себе двойной рацион углеводов, Клэр — стандартный набор аминокислот и витаминов. Они сели в углу, подальше от основного потока. За соседним столом двое инженеров о чём-то спорили, тыча пальцами в голографическую схему, висящую в воздухе между ними. Схема мерцала, распадалась на пиксели и собиралась снова.

— Держите, — Питер положил на стол перед ней маленький квадрат. Настоящая плитка шоколада. Темный, с вкраплениями морской соли. Запах какао ударил в нос сильнее, чем аммиак на болотах. — Сухой паек капитана. Земной. Срок годности истек еще в прошлом веке, но вкус настоящий.

Клэр смотрела на плитку, боясь до нее дотронуться. Квадрат был неровным, с зазубренными краями — его отламывали от большой плиты, возможно, много лет назад. На поверхности шоколада виднелись белые разводы — налёт какао-масла, признак того, что продукт пережил не одну смену температур.

«Это странно, но мило, — пронеслось в голове. — Зачем капитану корабля поколения носить в кармане шоколад? Это непрактично. Это сентиментально. В этом человеке слишком много трещин для корпоративной машины „Авалона“».

— Спасибо, — тихо сказала она и спрятала плитку во внутренний карман комбеза. Ткань мгновенно прижалась к телу, фиксируя предмет.

Их одиночество продлилось недолго. К столу подошли двое. Женщина с волосами цвета ржавчины, туго стянутыми в пучок, концы которого выбились и торчали в разные стороны. На ее шее был повязан грязно-бежевый шелковый платок, совершенно неуместный среди стерильного пластика — единственное пятно несовершенства в этом идеально отлаженном механизме.

— Фрая Райт, тектоника и геология, — представилась она, падая на стул и тут же закидывая ногу на ногу. — Платок — кусок моего сада в Аризоне. Синтетика душит. А это...

Высокий лысый мужчина, следовавший за ней, сел молча. Его череп блестел под лампами, а глаза казались абсолютно черными провалами — не цвет, а отсутствие цвета, как у птицы, у которой нет радужки.

— Доктор Донк, — басом закончил за нее физик-ядерщик. — Реакторы. Холодный синтез. Плазма.

— Мы обсуждаем природу человеческого идиотизма, присоединяйтесь, — предложила Фрая, хватая стакан Питера с водой. Она сделала большой глоток, поморщилась и вернула стакан на место, словно вода её разочаровала. — Вы видели этих инженеров в зале гипергравитации? Они качают мышцы. Зачем? Чтобы красиво разложиться по гробам, когда корабль войдет в пояс астероидов?

— Корпус выдержит нагрузку, которую этот космос еще не видел, — спокойно ответил Питер. Он не выглядел обиженным — скорее, забавленным.

— Корпус — да, — кивнул Доктор Донк. Его голос был низким, ровным, без интонаций — голос человека, привыкшего говорить с машинами, а не с людьми. — А синапсы экипажа — нет. Психика развалится раньше обшивки. Я видел модели. Через двадцать лет полёта вероятность депрессивного эпизода у любого члена экипажа — восемьдесят семь процентов. Вероятность психоза — сорок два. Вероятность того, что кто-то откроет шлюз без скафандра — двенадцать.

— Донк, ты умеешь поднять настроение, — Фрая закатила глаза. — Просто мастер позитивной психологии.

— Я не психолог, — пожал плечами Донк. — Я физик. Моя работа — говорить правду о вероятностях.

Разговор перетек в русло экологии. Фрая нервно теребила край своего платка, скручивая его в жгут и раскручивая обратно.

— Знаете, что самое страшное? — вдруг сказала она, глядя куда-то сквозь столешницу. — Мне не жалко городов. Пусть эти стеклянные башни утонут в сероводороде. Мне жалко секвойи. Последнюю дикую секвойю спилили на сувениры для совета директоров сто лет назад. Земля... она больше не плачет. Она гниет. Тишина над пустыней Детройта такая плотная, что звенит в ушах. Песок там хрустит на зубах, потому что это не песок, а перемолотые кости бетона и стекло. Я была там три года назад. Взяла образцы. Мой фильтр забился за два часа. Два часа, представляете? Люди там не ходят. Там даже крысы не ходят. Только ветер.

— Мы все здесь потому, что старая квартира сгорела, — подал голос Доктор Донк. — Но я смотрю на пепелище и понимаю, что любил обои. Грязные, облезлые, радиоактивные, но родные. Я знал каждую трещинку на стене. Теперь этих трещинок нет. Есть только пепел.

— Проблема в том, — медленно произнесла Клэр, размешивая ложкой безвкусную белковую кашу. Каша была серой, с комками, и пахла картоном, как и предупреждал Питер. — Что жилец остался прежним. Мы берем свою раковую опухоль с собой в новую галактику. Мы не лечимся. Мы просто меняем адрес.

— Именно поэтому мы должны создать новый мир, — жестко отрезал Питер. — Старый уже не спасти. Жалость к нему — это просто эгоизм стариков, которые боятся перемен. Я понимаю, что вы чувствуете, Клэр. Я тоже вырос на Земле. Я помню, как выглядело небо, когда я был ребёнком. Оно было серым, но иногда, в ясные дни, сквозь смог пробивалась синева. Настоящая синева. Я хочу, чтобы у следующего поколения было небо, которое не нужно фильтровать.

— А если следующее поколение вырастет такими же, как мы? — Клэр подняла глаза от каши. — Что тогда?

Питер помолчал.

— Тогда мы хотя бы попробовали, — сказал он наконец. — А не сидели сложа руки, глядя, как всё гниёт.

Когда ужин закончился, Барри Вонс перехватил Клэр у входа в жилой блок. Его идеально скроенный темно-серый костюм оставался безупречным даже после дня на нижних уровнях — ни складки, ни пятнышка. Он словно существовал в другом измерении, где грязь и пыль были просто не предусмотрены конструкцией.

— Доктор Роуз, пройдемте. Кабинет брифинга.

Комната оказалась тесной. Белые стены, один круглый стол, три кресла. На столе — графин с водой и три стакана. Вода в графине была идеально прозрачной, без единого пузырька.

— Данные подтвердились, — начал Барри, активируя голопроектор. В центре стола вспыхнула карта звездной системы TRAPPIST-1, но маршрут вел не к известным планетам, а в слепое пятно между рукавами галактики. — Наши астрофизики просчитали складку пространства. Коридор Кассиопеи. Три года субъективного времени. Корабль нового типа, прототип «Игла-Марк II». Двигатель рвет саму метрику вакуума.

На схеме появилась планета. Класс М. Каменистая, чуть крупнее Земли. Голубая точка на фоне чёрного бархата.

— Атмосфера разреженная, кислорода всего девять процентов, — продолжил Рон Янг, который сидел в углу, закинув ноги на соседний стул. Он жевал что-то, похожее на сушёное яблоко, и говорил с набитым ртом. — Азота переизбыток. Давление низкое. Но спектральный анализ воды идеален. Своя звезда, стабильный желтый карлик. Зарождение жизни идет полным ходом, док. Там есть прокариоты. Примитивная слизь. Но климатические модели показывают, что если мы сбросим в океаны наши модифицированные цианобактерии, через пятьсот лет там можно будет дышать без фильтров. Новая Земля. Чистый лист.

— Пятьсот лет? — Клэр нахмурилась. — Мы не проживём пятьсот лет.

— Вы — нет, — согласился Рон. — Но ваши правнуки — да. Если мы всё сделаем правильно. Если мы не наделаем ошибок. Если мы не начнём жечь уголь и строить заводы, как только у нас появятся свободные руки.

— И там может быть то, чего нет в наших базах данных, — мрачно добавил Барри, выключая проектор. Голубая точка погасла, и комната снова стала просто белой коробкой. — Собственная форма жизни. Макроскопическая. Мы зафиксировали тепловые сигнатуры, не совпадающие с геотермальной активностью. Вам нужно выяснить, какая. Насколько она агрессивна. Можно ли ее интегрировать в нашу экосистему или придется выжигать.

Клэр почувствовала, как пересохло горло. Девять процентов кислорода. Бактерии. Тепловые сигнатуры неизвестного происхождения.

«Это бред, — думала она, сжимая кулаки под столом. — Теоретическая физика, помноженная на отчаяние инвесторов. Складка пространства, которой нет на картах. Скорость, разрывающая время. Нас размажет по внутренностям этой „Иглы“ еще на выходе из орбиты Юпитера. Но если шанс один на миллиард реален... Если там действительно есть воздух...»

— Моя задача — оценить биологический потенциал, — ровным голосом сказала она. — Для этого нужны образцы. Живая почва. Вода. Спектрометры полевой лаборатории. Те, что остались в фургоне...

— Фургон расплавлен час назад, — любезно сообщил Рон. — Вместе с запахом смерти. Ваши банки со спорами уже в карантине грузового отсека. Инструменты придут завтра. Поздравляю с новой работой, доктор. Постарайтесь дожить до посадки.

— Расплавлен? — Клэр моргнула. — Как?

— Плановая утилизация, — Барри даже не взглянул на неё, складывая планшет в кейс. — Ваш фургон числился как списанное имущество. Корпорация не хранит мусор. Всё, что представляло ценность, уже извлечено и законсервировано. Всё остальное — переплавлено. Не волнуйтесь, ваши образцы в безопасности.

Клэр хотела что-то сказать — про сорок семь штаммов, про четыре месяца работы, про то, что фургон был её домом последние три года, — но слова застряли в горле. Барри уже поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Барри ушел первым. Рон махнул рукой и умчался в сторону лабораторий, на ходу дожевывая своё сушёное яблоко. Клэр осталась одна. Голова гудела от избытка информации и низкого давления.

Она вышла в центральный коридор жилого сектора. Ночь на «Гефесте» была условностью — лампы просто меняли спектр на глубокий синий, имитируя сумерки. У панорамного окна, выходящего на пусковые шахты, стоял Питер. Черные иглы кораблей внизу источали бледное фиолетовое свечение, похожее на свечение слизи на болоте.

— Думаете о девяти процентах кислорода? — спросил он, не поворачиваясь.

— Думаю о том, что мы везем туда чуму, — ответила Клэр, подходя ближе. Стекло было холодным даже сквозь перчатки. — Назвали планету «Новая Земля». Какая самонадеянность. Людям там не место, Питер. Мы — вирус. Мы принесем туда свои заводы, свое чувство собственности и свою жадность. Мы сожрем эту слизь точно так же, как сожрали леса здесь. Нельзя сбежать от своей природы в консервной банке.

Питер наконец повернулся. В синем свете его голубые глаза потемнели, став почти грозowymi.

— Вы ошибаетесь, Клэр, — мягко сказал он. — Наша природа — это не только разрушение. Это еще и стремление выжить вопреки всему. Да, мы убили этот дом. Мы сделали это из трусости, лени и комфорта. Но именно поэтому нам нужен чистый лист. Не для корпораций. Для тех немногих, кто понимает ценность одного настоящего вдоха. Мы возьмем туда семена, а не бомбы. Старую грязь мы оставим здесь, вместе с костями динозавров. Иначе мы просто вымерем в собственных золотых клетках, доказывая друг другу, чьи графики роста акций красивее.

— А если не получится? — тихо спросила Клэр. — Если мы прилетим туда, и всё пойдёт не так? Если наши семена не прорастут, если бактерии не приживутся, если местная жизнь окажется агрессивной?

— Тогда мы умрём, — просто сказал Питер. — Но умрём, пытаясь. А не сидя в болоте и глядя, как тонет мир.

Они долго смотрели друг на друга через разделяющие их полметра металла и пластика. Два осколка старого мира, запаянные в оболочку нового.

— Спокойной ночи, капитан, — наконец нарушила тишину Клэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.